

Ю.С.Черныш

Круг замкнулся

Предлагаем вниманию читателей отрывок из недавно вышедшей в свет повести «Мексиканский калейдоскоп» советского и российского дипломата ЮРИЯ ЧЕРНЫША, который многие годы работал в различных странах Латинской Америки. Автор приглашает читателя совершить увлекательное путешествие по дорогам Мексики, по которым в XVI в. прошел Эрнан Кортес, предводитель испанских конкистадоров, разрушитель могущественной империи ацтеков и их религии, основанной на кровавых человеческих жертвоприношениях. Соединяя, словно в калейдоскопе, фрагменты давней истории и современности, автор стремится воздать должное подвигу Кортеса, создавшего новую страну — Мексику, положив начало процессу слияния древних индейских культур с европейской цивилизацией. Писатель смотрит на Мексику глазами своего героя — советского журналиста, который попадает в различные ситуации, порой сопряженных с риском для жизни. Все это придает книге остросюжетный характер. Действие происходит в 70-х годах XX в.

Ключевые слова: Мексика, конкиста, Кортес, ацтеки, Диего Ривера, президентский дворец.

В корпункт Владу Воротынцеву позвонили из секретариата по печати канцелярии президента.

— Сеньор Воротицов, — сказал в трубку мужской голос, показавшийся Владу очень знакомым, — Вас хочет видеть сеньор секретарь по печати Фаусто Тапия. Вы могли бы посетить его завтра около десяти часов утра. Пропуск будет вам заказан.

«Мне сделали предложение в стиле донна Карлеоне, от которого нельзя отказываться», — только и подумал Влад, вешая трубку. Этот звонок его встревожил. Он знал, что несколько дней назад в секретариат по печати был вызван корреспондент «Правды» Владимир Долгушин. Потом он рассказал, что Фаусто Тапия в довольно-таки грубой и бесцеремонной форме отчитал его за статью в газете «Правда», посвященной юбилею мексиканской государственной нефтяной компании «Пемекс».

В своем материале Долгушин изложил беспримерный гражданский подвиг мексиканского президента Ласаро Карденаса, который в 1937 году в интересах своей страны провел национализацию нефти и создал государственную нефтяную компанию «Пемекс», которая успешно действует до сих пор, спасая Мексику от экономических потрясений и кризисов. При

этом Долгушин, как бы невзначай осудил деятельность американцев, которые препятствовали этой национализации, а сегодня пытаются вставлять палки в колеса «Пемекса».

— Мексика не нуждается в вашей защите, — сказал ему секретарь по печати, — и мы требуем не вмешиваться в наши отношения с Соединенными Штатами.

Тридцатилетний Фаусто Тапия был самым молодым ответственным сотрудником новой президентской администрации. О нем чуть ли не каждый день писали мексиканские газеты, превознося его высокую деловую активность и таланты организатора. В журналистском корпусе знали, что он железной рукой подмял под себя все средства массовой информации, жестко контролируя публикации, как местных, так и иностранных корреспондентов. Один журналист из ГДР шепнул Владу на ухо, что этот новоиспеченный «доктор Фауст» наверняка продал свою душу американскому Мефистофилю, настолько откровенными были его симпатии к северному соседу. С тех пор к Тапии прочно приклеилось прозвище «доктор Фауст».

Воротынцев плохо спал накануне встречи, радуясь лишь тому, что ему нужно будет ехать в старый президентский дворец на площади Сокало, а не в Лос-Пинос, где он рисковал пересечься с Аидой Карамасаной. Утром он выехал заблаговременно с учетом напряженного трафика особенно в центральной части города. Он долго колесил по узким улицам в районе Сокало пока наконец-то не нашел подходящее местечко для своего «Мустанга».

Выйдя из машины, он с удивлением обнаружил, что припарковался прямо напротив госпиталя Хесуса Назарета и примыкающей к нему церкви, которые были заложены самим Кортесом и в основном построены при его жизни. Кортес настоял именно на этом месте, где в 1529 году состоялась их первая встреча с платони Монтесумой. Теперь эта улица называется Пино Суарес, а в те времена здесь пролегла прямая, как стрела, мощенная камнем дорога-дамба Истапалапа, ведущая прямо к императорскому дворцу.

«Подумать только, что этим стенам более 450 лет», — подумал Воротынцев, проводя ладонью по замшелым камням. Он неспешно пошел к площади Сокало, которая находилась примерно в четырех кварталах. Эти улицы размечались и закладывались во времена короля Карлоса V, когда действовал строгий регламент градостроительства. Прежде всего, размечалась главная площадь города, на которой должны находиться дворец губернатора, кафедральный собор, верховный суд, городской совет-аль-

кальдия и другие учреждения власти. От площади под прямым углом расходились улицы определенной ширины, с кварталами, равными 100 варам, то есть шагам.

Воротынцев решил проверить это и убедился в точности древней планировки. Так он вышел на площадь Конституции, которая в народе называется Сокало, или Цоколь. Это пошло с тех давних пор, когда на площади решили установить монумент Независимости и заложили под него массивный постамент-цоколь. Монумент так и не установили, а цоколь остался, мешая проведению военных парадов. Тогда его снесли, но постановили, что эта площадь, а также все центральные площади больших и малых городов Мексики будут называться Сокало, что в принципе очень удобно.

Вскоре Влад вышел на эту просторную и самую большую в Латинской Америке площадь, размеры которой поражают воображение: двести сорок на двести сорок метров. Но при ее первоначальной закладке она была еще больше, на чем настаивал сам король. Воротынцев остановился напротив президентского дворца. Он не торопился, времени у него было предостаточно, и он позволил себе включить «машину времени», которая вмиг унесла его в прошлое.

Во времена ацтеков на месте президентского дворца находился так называемый «новый дом» Монтесумы, размеры которого были даже больше чем у современного дворца. А там, где сейчас высится кафедральный собор, находилась самая высокая в стране пирамида-теокали, с расположенными наверху святилищами богов Тлалока и Уитсилопочтли. Неподалеку размещалась пирамида Солнца, ну а по всему городу Теночтитлан было разбросано еще около девяноста капищ, посвященных многочисленным богам, которых требовалось поить человеческой кровью.

Влад все еще пребывал под тягостным впечатлением книги Саагуна «*Suma indiana*», который подробно, в жутких деталях описывал ритуал поклонения богу воды Тлалоку. Жрецы этого храма накануне жертвоприношений соблюдали строгий четырехдневный пост. Они подвергали себя испытаниям, прокалывали уши острыми шипами агавы, а потом кровянили лицо и тело. В полночь они выходили из своего монастыря, трубя в морские раковины и бамбуковые флейты. Если на пути им попадался зазевавшийся прохожий, пусть даже ребенок или женщина, они хватали его, чтобы потом казнить его на каменном алтаре. Там жертвам вскрывали грудь и вырывали сердца, которые складывали в деревянные лотки, а кровь собирали в глиняные сосуды.

Потом жрецы на лодках плыли в особое сакральное место посреди озера, где человеческие сердца бросали в воду, поливая ее кровью. Но на этом ритуал не заканчивался. Наступало время наказания самих жрецов, которые допускали промахи и ошибки во время служения своему идолу. Одних провинившихся просто топили в озерной трясине, а другим, более молодым давали возможность спастись, если те умели плавать. «Представляю, какое зловоние стояло во всем городе от пирамид с их ступенями, покрытыми запекшейся кровью, от тысяч жрецов, которым запрещалось смывать с себя кровь жертв», — с отвращением подумал Влад, повторяя про себя негодующее восклицание доньи Аделины:

— И это была культура? Что хорошего она дала миру?

Диего Ривера. Рынок в Тлателолко (фрагмент муралья). *Рыночная путана, которой предлагают в виде платы человеческую руку*

В мрачном настроении он напрямик пересек площадь и вошел во дворец, где предъявил в отделе охраны свое журналистское удостоверение. Молодой сотрудник вежливо предложил следовать за ним и повел по знаменитым коридорам, украшенным муральями Диего Риверы. Жаль, что у Влада не было возможности даже на миг остановиться, чтобы насладиться этой потрясающей живописью. В приемной его попросили присесть и подождать вызова. Ждать пришлось долго, но это не удивило Влада, который знал, что пунктуальность отнюдь не самая сильная черта мексиканцев. Наконец тяжелая дверь кабинета приотворилась, и какой-то низенький человек с длинными по плечи волосами предложил ему войти

«Доктор Фауст» сидел за огромным письменным столом, заваленным бумагами. Он разговаривал по телефону и жестом предложил Владу присесть на стул. Прямо за его спиной висел большой портрет президента страны, а позади Влада в дальнем углу расположился тот человек с гривой нечесаных волос. «Наверное, стенографист, — подумал Влад, заметив в его руках блокнот и карандаш. Он вспомнил, что секретарь по печати любит, когда его называют министром и принялся исподволь рассматривать этого молодого нагловатого выскочку, который сидел к нему в пол-оборота, отвалившись на спинку кресла. «Что-то рановато он облысел, — подумал Влад, и тут ему бросилось в глаза удивительное сходство Фаусто Тапия с молодым Эрнаном Кортесом. — Не хватает лишь высокого жабо и пышного черного берета с плюмажем».

Но тут министр положил телефонную трубку и обернулся к Владу, посмотрев на него в упор своими черными, как маслины, глазами. Он слегка привстал и протянул через стол руку, заставив Влада встать и в полусогну-

том положении ответить на вялое рукопожатие. После обычных фраз приветствия «доктор Фауст» согнал с лица легкую улыбку и сказал:

— Мы пригласили вас, чтобы задать несколько вопросов.

— Сеньор Воротицов, вы можете говорить по-русски, я переведу, — раздался сзади голос, от которого внутри у Влада все похолодело.

«Это — он, переводчик... из рывана», — мелькнуло в голове Влада, и ему стоило больших трудов, чтобы подавить спазм, стиснувший горло, а потом спокойно произнести:

— Благодарю вас, но мне кажется, что мой испанский не так уж плох. Думаю, я пойму вопросы и постараюсь на них ответить.

— Ваш кастельяно, действительно, хорош, — слегка улыбнулся министр, — Вы, наверное, жили в Испании?

— К сожалению, не довелось, но моими первыми учителями были действительно испанцы, которые привили мне кастильский акцент, от которого я безуспешно пытаюсь избавиться.

— К чему, разве это вам мешает?

— Мне это не мешает, но я заметил, что в Мексике испанцев, мягко говоря, не очень жалуют, — вымолвил Влад и тут же пожалел, что сам вступил на опасную тропу.

— Мексиканцы весьма толерантны ко всем иностранцам, — тут же отпарировал «доктор Фауст», — но они не любят, когда иностранцы начинают учить их как нужно жить и что делать. И еще мы не любим, когда иностранцы вмешиваются в наши внутренние дела и пытаются защитить нас от американцев. Наше посольство в Москве провело мониторинг ваших публикаций по Мексике, из которого видно, что вы постоянно стремитесь поучать нас и указывать, как, к примеру, мы должны распорядиться Теуантепекским перешейком, как защищать наши рыбные богатства в Калифорнийском заливе и, наконец, как нам правильно, с вашей точки зрения, создавать смешанные предприятия в приграничных с Соединенными Штатами районах.

— Прямо настоящая страна советов, — раздался позади Влада голос переводчика, который сказал эту фразу по-русски и тут же перевел ее своему шефу.

— Поверьте, что мы не нуждаемся ни в ваших советах, ни в вашей защите, — резко продолжил «доктор Фауст», заметно распаясь.

В его глазах Влад заметил тот же блеск и ту же «сумасшедшинку», какую он видел на портретах молодого Эрнана Кортеса. «Может, это сам Кортес во второй своей реинкарнации?» — только и успел подумать Влад, как тут же «доктор Фауст» обрушил на него новые обвинения.

— И еще мы, мексиканцы, не любим, когда иностранцы напоминают нам о колониальном периоде нашей истории. Откровенно говоря, я не понимаю, сеньор Воротицов, откуда у вас такая привязанность к Кортесу. В ваших материалах он присутствует постоянно. То вы пишете о Море Кортеса, которое уже давно так не называется. То вы ездите по дорогам, где побывал этот кровавый деспот, убийца и разрушитель, которого мы уже давно вычеркнули из нашей памяти.

— Но ведь Кортес был не только разрушитель, но и созидатель, — с доверчивой улыбкой вставил свое слово Влад, чем вызвал еще больший гнев.

— Мексиканцы никогда не простят Кортесу и его пособникам типа предательницы Малинче той резни, которую они устроили в Чолуле, в Теночтитлане и других местах. Мы всегда будем помнить, как он лично пытал благородного

Куаутемока, пытаясь у него тайну золота ацтеков. По его приказу испанцы разрушили многие памятники культуры древней цивилизации...

— Какой культуры? — не выдержал Влад. — Что ценного и полезного дала эта культура миру, кроме сотен пирамид, на которых каста жрецов постоянно совершала человеческие жертвоприношения?

— Так вы считаете, что древние народы Мексики ничем не обогатили человечество?

— Народы здесь не причем. Народы всегда самобытны и талантливы, но служители кровавого культа завели их в такой тупик, выйти из которого можно было только путем разрушения враждебной народу религии, что само по себе требовало большой крови. Эрнан Кортес боролся с варварством варварскими методами. Что правда, то правда. Но в истории человечества так поступал не один. Петр Великий тоже пролил много крови, но он оставил после себя обновленную Россию, которая до сих пор чтит и прославляет его деяния. А вы хотите вычеркнуть из памяти мексиканцев Кортеса, который создал Новую Испанию, из которой родилась современная Мексика. При этом он внес свой личный генетический вклад в зарождение мексиканской нации. Разве не так? — с обезоруживающей улыбкой произнес Влад.

— Я вижу, вы большой поклонник и апологет Кортеса? — с сарказмом заметил Фаусто Тапия.

— Да, я отношу его к числу великих личностей, которые оставляли после себя преображенный мир, иной, чем он был до них.

— Скажите, а что вы постоянно делаете в Койоакане? — внезапно раздался голос сзади. — Вас там видят довольно часто. Вы там кого-то поджидаете?

— Вы можете не отвечать, если это сугубо личное, — примирительно сказал Фаусто Тапия.

В душе Влада наступило смятение. Он понял, что все это время находился под наблюдением, как букашка под увеличительным стеклом. И вот сейчас круг замкнулся. Что ответить? Может, возмутиться? Но это не в его характере.

— Да, я люблю бывать в Койоакане. Там все дышит стариной, как во времена Кортеса. Там я отдыхаю душой и мысленно сочиняю книгу, которую хотел бы написать.

— О Кортесе?

— Не только о нем, синьор министр. Но Кортес, безусловно, будет центральной фигурой. Ему ведь было примерно столько же лет, сколько и вам, когда он высадился на берега Мексики. И должен сказать, что вы внешне очень похожи на молодого Кортеса. Вам об этом никогда не говорили? Думаю, когда вы посмотрите на его портреты, вам покажется, что вы смотрите в зеркало, — доверительным тоном сказал Влад, отчетливо сознавая, что подписывает себе приговор.

«Доктор Фауст» сидел, нахмурившись. В глубокой задумчивости он постукивал друг о друга кончики растопыренных пальцев. Было заметно, что сравнение с Кортесом явно не пришлось ему по душе. Более того, он мог расценить это, как дерзость и личный выпад против себя, особенно после тех эпитетов, какими он только что наградил великого конкистадора.

— Вам будет трудно работать в Мексике, сеньор Воротицов, — твердо сказал он. — Вы так и не поняли нашей страны. Мексика — современная, прогрессивная страна, а вы смотрите на нее сквозь призму колониальных

времен. Прощайте, — вынес он свой вердикт и приподнялся, давая понять, что аудиенция окончена.

Воротынцев тоже встал. Он понял, что рукопожатий не будет, а потому просто ответил министру кивком головы и, развернувшись, вышел из кабинета. В тот угол, где сидел переводчик, он даже не взглянул.

«Вот и любви пришел каюк, дорогой Владилен Васильевич, — пробормотал он себе под нос, перефразируя любимые стихи Маяковского. — Хорошо, хоть из страны не выдворяют в двадцать четыре часа. Но и задерживаться здесь не следует. Сегодня же отправлю в редакцию заявление на отпуск. Улетим с Ниной и Анной в Москву, а там, глядишь, произойдут перемены, о которых говорили Казанцев и Тараненко».

Размышляя об этом, Влад шел по площади Сокало вдоль президентского дворца в сторону прямо противоположную от оставленной им машины. Он подумал, что ему вряд ли удастся выкроить время, чтобы снова приехать сюда, а потому решил напоследок побродить по старому Мехико и попрощаться с ним. Вскоре он вышел к так называемой археологической зоне, где велись раскопки и реставрация фрагмента улицы древнего Теночтитлана с уцелевшей пирамидой. Власти города решили накрыть все это толстым стеклом, по которому можно было бы ходить, наблюдая далекое прошлое города. «Еще одна пирамида, — с нескрываемым озлоблением процедил сквозь зубы Влад, — было бы чем гордиться, а то кругом одни жертвенники и капища. Тоже мне, культура!»

Он покинул раскопки и пошел, куда глаза глядят, прикидывая в уме те неотложные дела, которые ему предстояло сделать. Во-первых, нужно будет обо всем рассказать Максиму Тараненко. Но как привязать сюда переводчика, которого он встретил в кабинете Фаусто Тапия? Ведь считалось, что тот был в команде громил из «мано бланко». А теперь выходит, что он из канцелярии президента. Тогда нужно будет рассказывать Максиму и про Аиду Карамасану, о которой он умолчал. «Да уж придется покаяться во всем, — решил Влад, — иначе концы с концами не сойдутся. А мне ведь предстоит работать с ними в одной команде. Так что новую жизнь нужно начинать с правды».

Потом предстоит нанести прощальный визит Давиду Альфаро Сикейросу в Куэрनावак или в здании Полифорума на улице Инсурхентес. Непременно нужно будет заехать к донье Аделине Сендерос, которая словно в воду глядела, предсказав крайне болезненную реакцию мексиканских властей на его симпатии к Эрнану Кортесу. Оставалось еще пригласить к себе в дом на ужин дону Игнасио с сыновьями и познакомить Максима Максимовича с этой прекрасной семьей басков. Пусть он продолжает уже без меня работу по «толстяку» Гидо в Тихуане.

Влад и не заметил, как неожиданно для себя оказался в трущобных кварталах Мехико. Когда-то он с мальчишеским любопытством излазил почти весь город и внезапно набрел на эти кварталы, которые произвели на него впечатление затерянного мира в самом центре современного столичного мегаполиса. Он увидел ужасные трущобы с жалкими обитателями, которые неприкаянно бродили по улицам или сидели прямо на тротуарах в типичных для мексиканцев позах — поджав колени под подбородок и обхватив их руками. Это были завсегдатаи «пулькерий» — самых дешевых питейных заведений, где пили в основном пультке, то есть брагу из сока агавы.

Мексика немыслима без пульке, как Россия без кваса. Но квас — напиток прохладительный, а пульке — горячительный. Пульке действительно столетиями согревал мексиканскую гольтьбу, живущую в курных глинобитных домах-коробках, где нет даже окон, а дверной проем завешивается циновкой. Завернувшись в жесткие лубяные циновки и сбившись в кучу, мексиканцы спят на земляном полу. Чтобы не околеть от холода в ледяные ночи, они с вечера напиваются пульке и даже дают его детям, чтоб те не мерзли и не плакали. Пульке — слабоалкогольный, но сильно дурманиющий напиток. Он приводит людей в полубесчувственное, вялое состояние. Говорят, что во времена ацтеков пульке давали пленникам, приговоренным к закланию, чтобы сделать их безразличными к своей судьбе и лишить воли к сопротивлению. Влад читал об этом в книгах испанских монахов-историографов, которые называли тот напиток «пульке». Сам он так и не отважился его попробовать, да и понятно почему.

Ведь в городах пульке пьют в так называемых пулькериях, которые все устроены на один манер: блекло-голубые створчатые двери, открывающиеся в обе стороны, а в глубине — прокуренный и пропахший немывтыми человеческими телами питейный салон с высокими столами-стойками, за которыми собираются только мужчины. Целыми днями они пьют здесь пульке и тут же мочатся на пол, в котором хотя и проделаны стоки, но моча все же выливается наружу. Для женщин при пулькериях отводился специальный «дамский салон», из-под дверей которого тоже порой сочится ручеек.

«А ведь и у нас на Руси было примерно такое же», — подумал Влад, вспомнив горьковскую ночлежку Коростылева из пьесы «На дне» и роман Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы». И тут Воротынцев преисполнился чувством гордости за свою страну, которая смогла подняться из грязи и пьянства к высотам всеобщей грамотности и культуры. И так ему захотелось домой, в Россию, в Москву, к своим людям, к русским березкам. «Неделю на сборы и все!» — приказал сам себе Влад и развернулся, чтобы уйти из мира этих несчастных, отверженных людей.

Вскоре он снова оказался на площади Сокало возле величественного кафедрального собора, который изначально был заложен Эрнаном Кортесом в 1526 году, но в те годы он выглядел гораздо скромнее. Сбоку к собору примыкает маленькая площадь, которую старожилы Мехико до сих пор называют площадью Маркиза, подразумевая при этом маркиза долины Оахака Эрнана Кортеса. Собственно, это была единственная и, к сожалению, угасающая память о человеке, по велению которого было начато строительство города Мехико на месте ужасного, дьявольского Теночтитлана. И вот теперь во всем Мехико не найти ни памятника, ни улицы с именем Кортеса. Даже в Койоакане, где есть улицы Монтесумы, Куаутемока и Малинче, нет хотя бы переулка Кортеса. «Было бы хорошо, — думал Воротынцев, — если бы удалось установить памятник Кортесу, Малинче и их сыну Мартину, первому настоящему мексиканцу, в жилах которого соединилась кровь двух рас и двух миров — Старого и Нового.

Так, тихо беседуя сам с собой, он вышел на улицу Мадеро, которую в народе называют «золотой» из-за обилия ювелирных салонов, магазинов и просто лавочек, торгующих драгоценностями, и отправился в любимое место всех горожан — парк Аламеда. Этот парк в самом центре города рань-

Диего Ривера. Воскресный полуденный сон в Аламеде (фрагмент муралья)

ше был засажен тополями, по-испански — аламо. Отсюда и название Аламеда. Со временем тополя сменили вязы, но название осталось.

Главной достопримечательностью парка является дворец изящных искусств, где разместился национальный театр с прекрасным залом и уникальным занавесом из цветного стекляруса, на котором при свете софитов оживают вулканы Попокатепетль и Истасивуатль. Во дворце имеются и другие камерные залы, где регулярно проходят выступления артистов оперы, балета, музыкантов и певцов. Но дворец знаменит еще и тем, что стены его коридоров и фойе украшены живописью самых знаменитых мексиканских муралистов: Руфино Тамайю, Диего Риверы, Давида Альфаро Сикейроса, Хосе Клименте Ороско и Гонсалеса Камарены.

Дворец построен в конце XIX века в типично европейском стиле, который доминировал в ту пору в Мехико. Его фасад облицован белоснежным итальянским мрамором из Каррары, а купол покрыт листами чистой меди, сверкающей под лучами солнца. Но вот беда — дворец постоянно погружается в илистое дно озера Тескоко, на котором он был построен. Это обстоятельство тревожит власти города, которые принимают меры для спасения этого архитектурного шедевра.

Неспешно прогуливаясь по парку среди многочисленных шумных торговцев, Влад вспомнил знаменитое настенное панно Диего Риверы, которое тот назвал «Воскресный полуденный сон в Аламеде». Влад часами рассматривал его в альбоме репродукций, восхищаясь гениальностью этого художника, который изобразил самого себя в образе смешного толстого

мальчика в соломенном канотье и коротких штанишках. Его детскую пухлую руку прочно держат костлявые пальцы Доньи Каталины, которая является мексиканским символом смерти и главным персонажем в день поминовения мертвых. За спиной у мальчика Диего стоит его бровастая, мужеподобная подруга Фрида Кало, а вокруг многоярусной толпой расположились около сотни различных персонажей, оставивших свой след в истории Мексики. Нашлось здесь место и для Эрнана Кортеса, которого Диего Ривера разместил в самом дальнем углу картины с рукой, обогрессенной кровью, которую тот возложил на плечо своего сподвижника Педро Альварадо. А позади них полыхает пламя преисподней, где в адовых муках корчатся конкистадоры-грешники.

Вот так Диего Ривера представлял себе Кортеса, и Влад давно уже хотел поговорить об этом с Давидом Сикейросом, но все как-то не решался. Он знал, что Сикейрос слишком ревниво относился к более талантливому и гораздо более плодовитому Диего Ривере. Их противоречия внешне носили политический характер и однажды едва не закончились перестрелкой. Диего Ривера был убежденным троцкистом, а Сикейрос — ленинцем и сталинистом. Но в основе их разногласий было все же творчество, и в этом Влад был твердо убежден.

Влад добрался до своей машины, но уезжать пока не хотелось, он присел на скамейку в скверике, разбитом возле древнего госпиталя и церкви Иисуса Назарета. Массивный церковный портал был наглухо закрыт. «Видимо, сюда никто не ходит, — подумал Влад, но вдруг увидел, как в портале приотворилась малая дверь и тут же захлопнулась. — Значит, там кто-то есть. Ну что же, рискнем». На его стук дверь снова приоткрылась, и Влад попросил разрешения войти. Он пояснил, что изучает историю жизни Эрнана Кортеса и хотел бы взглянуть на нишу, где покоятся его останки. Пожилой служитель церкви попросил его подождать и прикрыл дверь. Ждать Владу пришлось довольно долго, пока его впустили и попросили предъявить удостоверение личности. Записав посетителя на странице массивной книги, служитель указал рукой, куда следует идти и удалился, оставив Влада одного.

Воротынцев постоял некоторое время, привыкая к сумеркам храма. Когда его глаза освоились, он увидел справа от себя распятие Христа, выполненное в натуральную величину и настолько реалистично, что Владу даже стало как-то не по себе. Понимая, что за ним могут наблюдать, он повернулся лицом к распятию, под которым стояла скамеечка для преклонения колен. Влад осенил себя широким крестом с поклоном, как это делают православные, и двинулся по проходу между рядами кресел. При посещении католических храмов, он обычно выбирал себе местечко в последнем ряду, откуда рассматривал убранство церкви, наблюдал за посетителями и прислушивался к проповедям священников. Но сейчас он неспешно продвигался вперед, пока не увидел в дальнем углу одинокие огоньки горящих свечей.

На высоком медном подсвечнике стояло более десятка тонких восковых свеч, но горели только три. Влад понял, что их только что зажег служитель, который, видимо, для этого и просил его подождать за дверью. Огни свечей тускло освещали голую оштукатуренную стену голубоватого цвета, на которой была мемориальная бронзовая плита с крупной рельефной надписью: HERNAN CORTES 1485—1547. В верхней части доски был изображен герб

Кортеса, окрашенный цветными эмалями. И это все. Никаких титулов или иных сведений о покоящемся в этой стене человеке.

Воротынцев почувствовал, что волнуется. Ведь он стоит рядом с останками личности, обладавшей при жизни мощным энергетическим полем. Говорят, что жизненная энергия это особый вид материи, которая никогда не покидает останки умершего человека. Видимо поэтому, христиане, особенно православные, так истово поклоняются мощам святых старцев. И как знать, может эта энергия до сих пор сохранилась в истлевших костях конкистадора. Влад подошел вплотную к стене и приложил к ней ладони.

— Мы оба с тобой любим Мексику, но она отвергает нас, — тихо произнес он и добавил: — Я напишу о тебе, дон Эрнан, так, как никто не писал до этого. Люди должны знать правду о твоём жизненном подвиге.

Воротынцеву показалось, что кончики его пальцев ощутили слабые ответные вибрации. Он отнял руки от холодной стены и принялся зажигать тонкие восковые свечки в подсвечнике. Стало светлее. Влад снова перекрестился широким крестом и, склонив голову, постоял некоторое время.

— Прощай, дон Эрнан Кортес, прощай, Мексика, — одними губами прошептал он и вышел из храма, на освещенную ярким солнцем улицу.

Yuri S.Chernysh (yucher37@yandex.ru)

Diplomatist, writer

The circle is closed

We offer our readers an excerpt from the book "Mexican Kaleidoscope" by Y.S.CHERNYSH, soviet and Russian diplomatist, who spent many years in various countries of Latin America. The author invites the reader to make an exciting journey along the roads of Mexico, which in the XVI century passed Hernan Cortes, leader of the Spanish conquistadors, the destroyer of the powerful Aztec empire and their religion, based on bloody human sacrifices. Combining, as if in a kaleidoscope, fragments of ancient history and modernity, the author seeks to pay tribute to the feat of Cortés, who created the new country of Mexico, initiating the process of merging ancient Indian cultures with European civilization. The writer looks at Mexico through the eyes of a Soviet journalist, who falls into various situations, sometimes involving a risk to life. All this gives the book an exaggerated character. The action takes place in the 70s of the XX century.

Key words: Mexico, Conquest, Cortes, the Aztecs, Diego Rivera, the presidential palace